

Реальный сектор**3. Новогодний подарок от Минпромторга, или хорошо забытое старое**

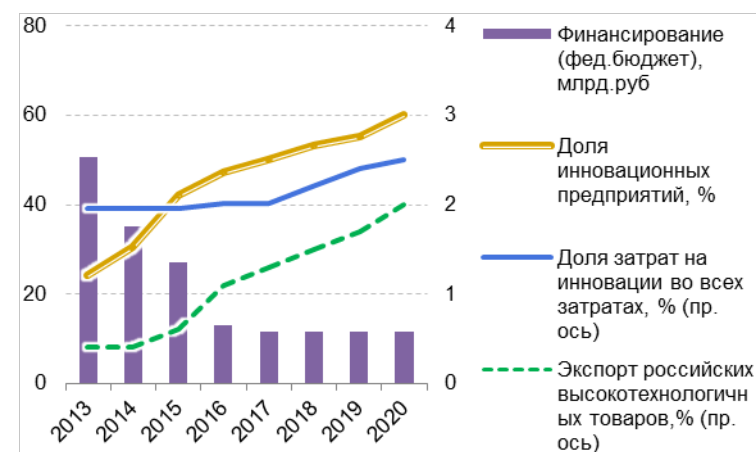
Минпромторг разработал программу роста конкурентоспособности российской несырьевой промышленности с учетом майских (2012 года) указов Президента России. Хотя авторы документа претендуют на разработку новой структурной (то есть промышленной) политики, документ по большей части подготовлен с использованием устаревших еще в прошлом веке подходов.

Перед самым Новым годом (28 декабря) премьер-министром Д. Медведевым была утверждена разработанная под эгидой Минпромторга России и рассчитанная на период до 2020 года государственная Программа «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности»¹ (далее – Программа). Программа включает в себя 17 подпрограмм² и охватывает не всю промышленность, а ту ее часть (в основном продвинутую обработку), которая сейчас производит в совокупности 5,5% ВВП. Немного. Тем не менее Программа представляет интерес как образец подходов нашего нового правительства к идентификации экономических проблем и предложений по их решению.

¹ См.: <http://www.minpromtorg.gov.ru/press/news/99>, <http://www.government.ru/docs/22182/>

² 17 подпрограмм: «Автомобильная промышленность»; «Сельскохозяйственное машиностроение, пищевая и перерабатывающая промышленность»; «Машиностроение специализированных производств»; «Легкая промышленность и народные художественные промыслы»; «Ускоренное развитие оборонно-промышленного комплекса»; «Транспортное машиностроение»; «Станкоинструментальная промышленность»; «Тяжелое машиностроение»; «Силовая электротехника и энергетическое машиностроение»; «Металлургия»; «Лесопромышленный комплекс»; «Развитие системы технического регулирования, стандартизации и обеспечения единства измерений»; «Химическая промышленность»; «Конструкционные и функциональные композиционные материалы нового поколения»; «Технологии редких и редкоземельных металлов»; «Современные средства индивидуальной защиты и системы жизнеобеспечения подземного персонала угольных шахт»; «Обеспечение реализации государственной программы».

Рис. 3.1. Финансовые и инновационные характеристики Программы «Развитие промышленности...» в целом по совокупности секторов

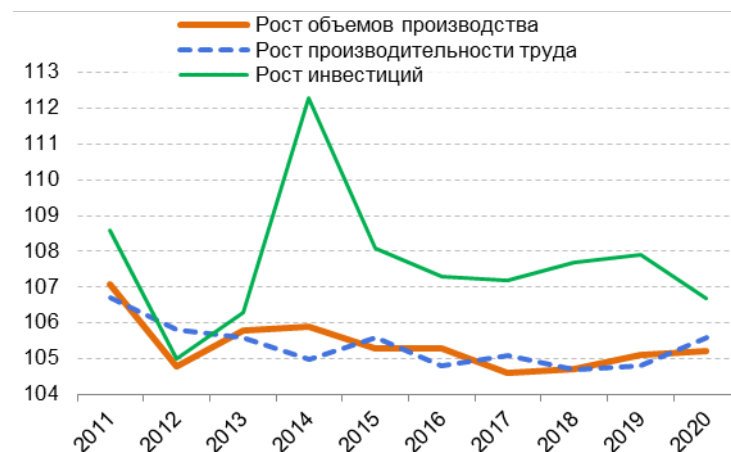

Источник: Минпромторг.

Программа нацелена на «создание системных долгосрочных стимулов для повышения конкурентоспособности российских промышленных компаний на внутреннем и мировом рынке», что можно и нужно приветствовать. Только вот сразу же становится непонятным, почему объектом воздействия Программы является гражданский сектор промышленности с низким уровнем участия государства в капитале компаний, а все оборонные сектора (в которых по утверждениям многих правительственных чиновников и экспертов таятся немереные технологические сокровища) оставлены за ее пределами. Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, закопан не так глубоко: реального значения эта Программа не имеет ни для разработчиков (ну как можно указывать частным компаниям, что им нужно будет делать в ближайшие десять лет?), ни для самого объекта Программы, которому государство всерьез ничего не обещает ни дать, ни сделать. Так, доля прямого государственного финансирования в рамках Программы развития обрабатывающего сектора промышленности составляет менее 7% (со средствами государственных внебюджетных фондов – чуть более 12%). И уж конечно, нет речи в Программе ни об институциональных реформах, ни о борьбе с коррупцией, ни о поддержке лучших новых и, как правило, небольших предприятий, которые, как показывает мировой опыт, в небольшом количестве существуют во всех отраслях (вне зависимости от того, объявлены ли они правительством приоритетом) и первыми стремятся выйти на внешние рынки.

Авторы Программы опираются на «проектный подход» к проведению промышленной политики и говорят правильные слова о необходимости создания в России новой структурной политики, но в чем ее новизна – непонятно: вся Программа строится на старой базе отраслевых приоритетов – автопром, станкостроение, сельхозмашиностроение и т.д., которые предусматривают поддержку производства тех или иных видов готовой продукции. Такой подход мог быть оправдан в середине второй половины прошлого века, но по мере интенсификации процессов глобализации он давно уступил место иному принципу современной промышленной политики в мире – поддержке ключевых компетенций и способностей людей, что позволяет национальным компаниям

Рис. 3.2. Производственные характеристики Программы «Развитие промышленности...» в целом по совокупности секторов

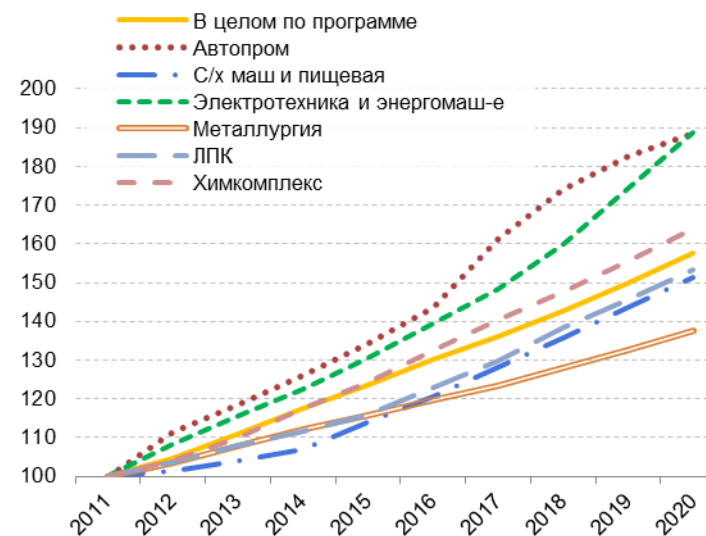
Источник: Минпромторг.

встроиться в глобальные цепочки добавленной стоимости (GVC) не со своими старыми продуктами и не в прежних организационных формах со всеми отягощениями, удорожающими производство: в форме старых метизных и прочих вспомогательных производств (как в машиностроении) или в форме «социалки» в многочисленных российских моногородах. Примеры централизованной (в том числе программной) поддержки развития такого рода компетенций в мире многочисленны – от логистики в Дубае и Эмиратах и оффшорного бэк-офиса в Индии до ствольных клеток в Великобритании и полупроводников на Тайване.

Новая промышленная политика, которая действительно сейчас активно реализуется в мире на уровне между макрополитикой и микрополитикой (последняя включает в себя выявление наиболее производительных частных мелких и средних фирм как объектов господдержки при выходе на внешние рынки, обучение персонала за госсчет, реформирование рынка труда и т.д.). Этот мезоуровень, уровень собственно промышленной политики, охватывает и уровень отраслей, и уровень регионов, и уровень кластеров, а иногда (правда редко) и уровень крупнейших компаний – т.н. национальных чемпионов, влияние которых зачастую выше, чем тех или иных отраслей или регионов. В рассматриваемой же Программе авторы концентрируют свое внимание исключительно на отраслевом уровне с нарушением к тому же второго важного принципа новой промышленной политики, в верности которой они присягают. Этим вторым принципом в мире принято считать сам способ выявления отраслевых приоритетов. В качестве отраслевых приоритетов своей промышленной политики среди новых секторов авторы российской Программы выделяют два – композиты и редкие и редкоземельные материалы (еще в Программе походя упоминается т.н. биоэкономика, которая, как говорят авторы Программы, наряду с отраслью ИКТ и нанотехнологий, должна помочь России инновационно быстро развиваться, но денег ей, скорее всего, пока не дадут ни копейки, так что о ней не будем больше говорить).

Что касается двух избранных приоритетов, то, хотя ничего против композитов и редкоземельных металлов сказать нельзя, непонятно, как их, собственно говоря,

Рис. 3.3. Динамика производства секторов в Программе «Развитие промышленности...», 2011 г.=100%

Источник: Минпромторг.

выявили, чем они лучше других возможных направлений технологических прорывов. Если брать опыт других стран и его обобщение в работах по новой промышленной политике в условиях ресурсно-ориентированной экономики (что немаловажно, учитывая сырьевую иглу, на которой уже 10 лет «сидит» российское правительство и крупный бизнес), то в них делается вывод, что отраслевые приоритеты, если и выделяются правительством (при том что рынок в целом должен превалировать для выявления конкурентных преимуществ страны на внешнем рынке), то либо на основе постоянного интерактивного и прозрачного для всех участников взаимодействия представителей несырьевого бизнеса и государства, либо на основе изучения опыта и отраслевой структуры индустриально развитых стран, находящихся или находившихся в прошлом на том же уровне экономического развития (с учетом среднедушевого ВВП), но не страдающих от ресурсного проклятия. Поскольку ни об одном, ни о другом подходе в Программе ни сказано ни слова, мы делаем для себя вывод, что данные приоритеты являются плодом мыслительной деятельности чиновников Минпромторга. Какими потерями такого рода действия оканчиваются, можно понять, если вспомнить непродуманные решения администрации Клинтона в начале 90-х годов прошлого века выделить несколько сот миллионов долларов на поддержку производства в США жидкокристаллических мониторов или еще более давние попытки правительства Японии развить собственный авиапром.

В Программе много говорится о необходимости наращивания экспорта: в качестве целей, например, обозначены 2% экспорта российских высокотехнологичных товаров (против 0,4% сегодня) и 50% в экспорте грузовых автомобилей (против 15%). Экспортная ориентированность выгодно отличает эту Программу от прежних программ российского правительства, ориентированных зачастую на импортозамещение – моду давно ушедших лет, что в условиях современного глобального рынка, объем потенциального спроса на котором может многократно превышать любой национальный, делать просто нелогично и невыгодно. Однако эта нацеленность чисто декларативная – никаких эффективных способов поддержки экспорта среднего по размерам несырьевого бизнеса в Программе не

предложено. Не просматриваются в новой Программе ни меры по диверсификации экспорта в сторону продукции с высокой долей добавленной стоимости, ни шаги по включению российских компаний в мировые технологические цепочки. С учетом вступления в ВТО и изменения макроэкономической ситуации по сравнению с предыдущим десятилетием меры по наращиванию экспортной экспансии должны превалировать во всех стратегических документах, но позиция правительства пока сугубо оборонительная и связана с защитой внутреннего рынка.

Современные подходы к промышленной политике в мире основаны, во-первых, на развитии компетенций – от простых к более сложным (что в литературе по промышленной политике часто сравнивается с обучением танцам – от простого твиста к маримбе); во-вторых, с перестройкой структуры промышленности по мере роста подушевого ВВП; в-третьих, с диверсификацией экспортной корзины как в концепции, образно называемой «обезьяны на деревьях», где предполагается, что перейти от экспорта простого товара (дерева с плодами) к более сложному (с более вкусными и питательными плодами) можно либо, если оно (дерево) рядом, либо если обезьяны сильные и прыгучие и т.д. В реальных условиях современной российской экономики, опутанной мириадами явных и неявных нитей, кончики которых уходят в бюрократические структуры разных уровней, появление логически обоснованного и просчитанного mix-а такого рода подходов, дифференцированных по группам отраслей, кластеров или регионов – собственно говоря, того, что сегодня в мире называют новой промышленной политикой, – явилось бы несомненным шагом вперед, свидетельствующим о появлении признаков нового мышления у нового российского правительства. Но... То, что представил на подпись премьер-министру Минпромторг в виде Программы, – это нечто иное, гораздо более старое и неэффективное, не демонстрирующее в достаточной мере ни прагматической экономической логики, ни современных подходов.

Валерий Миронов